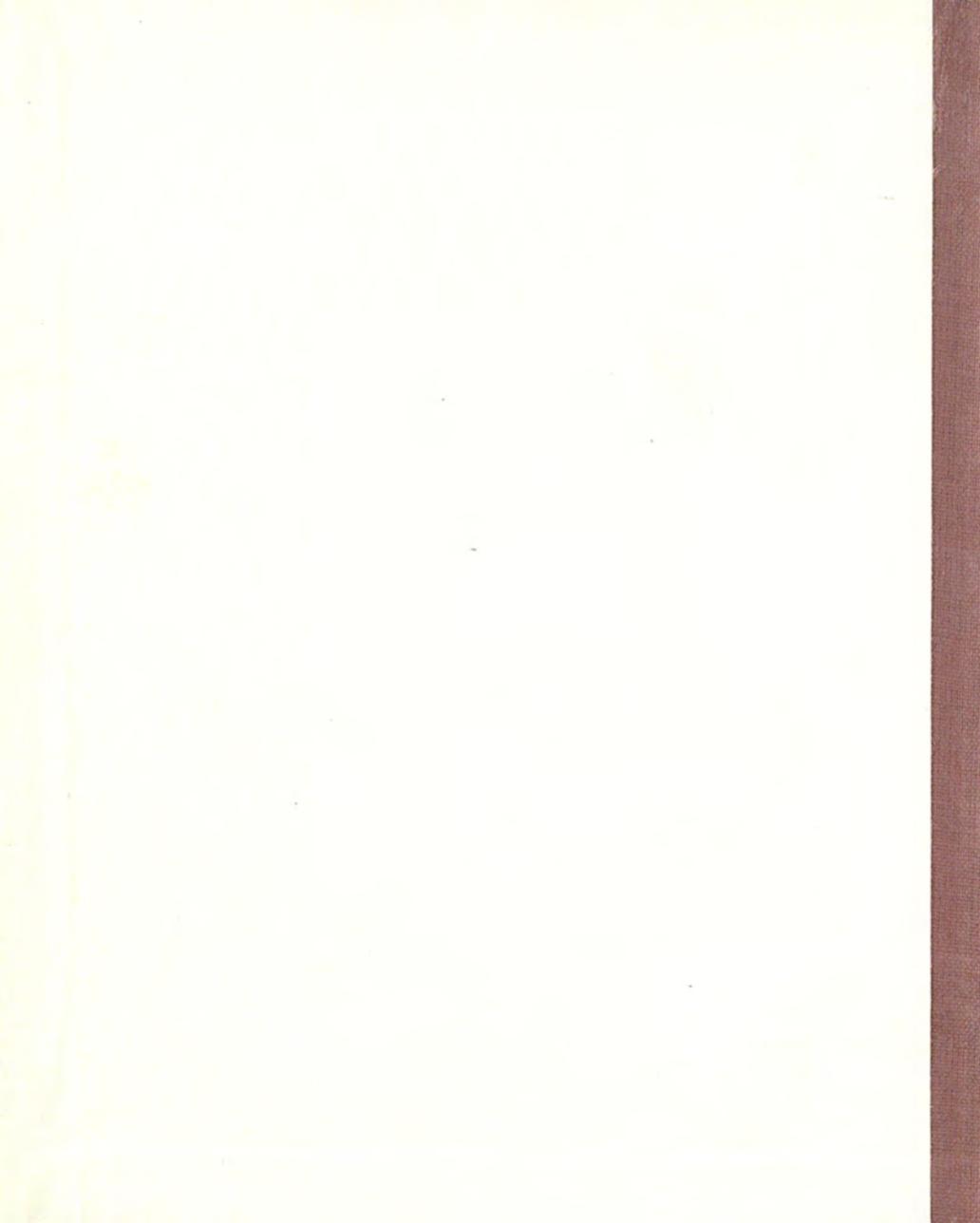

4348

СНѢВАКЪ
ВЪ ПОЛѢСЬЯ.

ПОЕМА

НИКОЛАЯ ЛЬСЪКЕВИЧА.

Цѣна 30 кр. в. — Доходъ назначенъ на цѣли литературныя.

Л Ъ В О В Ъ
типозъ Ставропигійскаго Института
1861.

1861

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Отъ 25 рускаго Сѣчня сего года выходить во Львовѣ политична часопись руска: „СЛОВО“ на аркуши великаго формату по два раза на тыждень, именно шо Середы и Суботы. Пренумерата выносить на цѣлый рокъ вразъ съ почтовою пересылкою 8 р. н., на полъ року 4 р., на четвертьрочіе, 2 р. н. Въ мѣстци дозволяеся и на 1 мѣсяць по 67 кр. н. пренумеровати. Желающіи предплатити, изволятъ грошевую належитость пересылати въ обфранкованомъ листѣ подъ адресою: Редакціи „Слова“ въ Львовѣ №. 100^{3/4}.

Также замѣчаемъ, шо на „Литургику“ М. Попеля можна пренумеровати еще до конца Мая. Пренумерата отсылаеся или простъ на руки Г. М. Попеля или въ Редакцію „Слова“.

Львовъ, 1 Лютото 1861.

Богданъ А. Дьдицкій,
отвѣтательный Редакторъ „Слова.“

Handwritten scribbles at the top of the page.

СНѢВАКЪ

ВЪ ПОЛѢСЬЯ,

ПОЕМА

НИКОЛАЯ ЛЬСЪКЕВИЧА.

Handwritten signature: Франциск

Handwritten signature: Лавровъ

ЛЪВОВЪ

типомъ Ставропигійскаго Института

1861.

Large handwritten scribbles at the bottom of the page.

82-1

Mr. iun.

4348.

Handwritten scribble

Handwritten scribble

Handwritten scribble

СЛОВО ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Духовое жительство Галицкой Руси, пробужденное толчкомъ отъ новыхъ противностей въ г. 1859 до тѣмъ разительнѣйшого силъ своихъ объявленія, развивается и росте отъ той поры такъ скоро и могущественно, что спешити оное навѣтъ найкрѣпчайшему противнику нинѣ уже — не возможно. Духъ Руси въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ выросъ изъ пеленокъ немолчаливыхъ, пережилъ скорше, нежели думали многіи, вѣкъ своего малолѣтства, — и достигаетъ нинѣ мужеской дѣеспловети въ умахъ навѣтъ юношескихъ.

Явленіе то необыкновенно, однакожь не неприродное. Вѣдай знаемъ, что дѣеспловетъ духа происходитъ отъ самосознанія, — самосознаніе народа отъ вѣрнаго познанія своей исторіи. Русь наша Галицка не має вправдѣ еще донинѣ такого словеснаго дѣла, въ которомъ жительство еи историческое воплѣтъ

бы было раскрыто, и въ великомъ органическомъ образѣ по всемъ точкамъ развитія явилось начертаніе; мимо того однакожь трудились старшіи и молодшіи дѣписатели и учены наши надъ изображеніемъ поодинокихъ періодовъ того жителя съ совѣстнымъ прильжаніемъ, зносили тутъ и тамъ по одному угольному камени къ великанскому исторіи зданію, и въ продолженіи не долгого времени явился очамъ читающей Руси бытъ нашъ прежній, явилась исторія наша — если уже не въ одной книжкѣ, то по крайней мѣрѣ въ обломковыхъ дѣлахъ и статьяхъ, которыя Русинъ-Читатель все таки взялъ собѣ въ одну полную цѣлость. Отъ того розширялся кругъ нашихъ свѣдѣній вообще, а ещѣи чувства наши пояснились свѣтломъ историческаго самосознанія. Мы знаемъ нынѣ, чьмъ были, — и предвидимъ, чьмъ снова будемъ.

Тѣи уваги ставляемъ не безъ цѣли при нынѣшномъ изданіи „Спѣвака изъ Польскаго“. Спѣвакъ бо той, осмотрѣнный изъ выше указаннаго становища, выдастъся намъ весьма замѣчательнымъ, и мы видимъ въ немъ яснѣйше немъ въ иныхъ современныхъ утворяхъ словесности нашей выраженіе того духа Руси, который наскучилъ собѣ малолѣтствомъ, и воздержимо стремится къ періоду самосознанія.

Очевидно, цѣль въ томъ поставлена велика, а соразмѣрно сей цѣли являясь также образъ поэзіи величественный: Спѣвакъ рускій будится зъ долговѣчного просонья, строитъ торбанъ воскреснымъ напѣвомъ, проходитъ всю землю зъ за Днѣстра по Сянь, спѣвае свои думы, пригадывая въ нихъ потомкамъ Руси, чѣмъ они колись были, — упоминая, чѣмъ должны были.

А хотя поетическіи утворы подобнаго рода принадлежатъ къ поэзіи такъ званой тенденціейной, т. е. такой поэзіи, которая ставитъ собою цѣлю: учить или политизовати, а затѣмъ глядѣ цѣли не исключено въ собою самой, т. е. не едино въ изображеніи понятій красоты, но рѣшается служить оразъ цѣлямъ и инымъ наукъ; то все таки утворъ подлежащій оцѣнлему высоко уже и для того, що весь составъ его носится на окрыльяхъ столь нѣжной, истинно вдохновенной поэзіи, же есть въ состояніи дѣйствовать такъ, якъ дѣйствуете и наилучша поэзія: трогае сердце, розгрѣвае душу благороднымъ жаромъ для добра и правды.

Не пострадае также Спѣвакъ нашъ рускій ніякъ на вартости, если сопоставимъ его въ поровнаніи съ наилучшимъ того рода утворомъ, съ „Дочерию Славы“ Коляра. Если бо безсмертный Ко-

лярѣ, обнимая своимъ сердцемъ всю Славяницу, поставилъ своему дѣлу цѣль далеко вышю и обширнѣйшую; то нашъ Спѣвакъ, избравшій собѣ кругъ для своего дѣйствованія тѣснѣйшій, исполняе свою задачу съ рѣсно добрымъ успѣхомъ непосредно для Галицкой Руси, а черезъ ню отъ части и для всей Славянины. Впрочемъ и самъ Колярѣ, яко Словакъ родомъ, паткнулъ свою Дочь Славы душою преимущественно чешско-словацкою, а кромѣ того творилъ онъ ю еще въ такое время, коли о Малой Руси, особливо же нашей Галицкой, и бѣсѣды не было. Не дивно про тое, що Дочь его чудесна ледва кѣлькама стишками упомянула про украинскую думку такозакѣвъ мало-рускихъ. Больше сказати о Русинахъ она тогда не могла и не умѣла. Той недостатокъ ей пополняе теперь нашъ Спѣвакъ зъ Польсья, который такимъ дѣломъ продолжае у насъ и для насъ великій подвигъ Пѣвца-будителя, якимъ для духового житья Славянъ былъ св. п. Колярѣ. *)

*) Не могу не высказати тутъ одной мысли, котору самъ св. п. Колярѣ обьявилъ менѣ еще 1851 г. Будучи слушателемъ его мнѣологичныхъ преподаваній въ Вѣднѣ, я отправажалъ его звычайно по укоченной годинѣ изъ школы до дому, и при той способности слухалъ еще иъяко другіи его преподаванія. Тогда любилъ онъ наибольше говорити о характерѣ и долѣ Словакѣвъ

VII

Такъ высоко оцѣняемъ нашего Слѣвака изъ Польска. — Если же, говоря вконцѣ о его Творителю, скажемъ коротко, що тойже есть человекъ-Русинъ, не доспѣвшій нынѣ еще навѣтъ мужеского вѣку, то высказали мы тѣмъ найкрасшу для Руси нашей надбю. И воистину, ктожь бы не надьялся у насъ нынѣ много прекрасного, великого — нынѣ, коли до-тепершній тѣный кругъ рускиихъ Писателей, Поетовъ-воиновъ святой русской справы росте и крѣпит-ся за кождымъ днемъ свѣжими, найблагороднѣйшими силами? Уже въ теченіи минушого памятного року засіяли, якъ ново-открытыи зѣзды, новыи имена на розбясненномъ небосклонѣ Руси. Имена тѣи принад-лежатъ болъшюю частію людемъ, правъ еще молод-

и Мало-Русиновъ, твора при томъ межъ сими обома народами весьма остроумныи паралели. Такъ полною добре одну мысль паралельну слѣдующаго содержанія: Словаки и Русины изъли боліе великое въ Славянщинѣ значеніе; Словаки приняли у себе св. Кирила и Меѳодія. Русины розширили писмо ихъ въ найдальшіи предѣлы Славянщины. На словацкой земли почіють зоши св. Меѳодія, на Руси сохраняеть его писмо. Русь и Словячнина творили много добра сусѣдаѣ, но обѣ отъ сусѣдъ подавлены, и добромъ обонхъ украшаються сусѣды. Есть одна-кожь высша судьба Бога, що не дасть погибнути невинно страждущимъ. Время може не далеко, же Русь и Словячнина стануть найкрасшии межъ дочерьми Славянщины!

VIII

чикамъ, не вышедшимъ навътъ изъ школьныхъ лавокъ! Любовь для Руси поднимае ихъ умъ на дѣло, рве молодцы сердца до пьсни, до любовной пьсни во славу обезславленной невинно Матери!

Наполнены найживѣйшою радостію, мы старшии витаемъ тѣхъ новыхъ Сотрудниковъ нашихъ по братерски, пріймаемъ ихъ въ наше коло съ дружескимъ снисхожденіемъ! А хотя предвидимъ, що не одинъ изъ нихъ превзойде насъ старшихъ колись о много, но таки всѣмъ имъ того для добра Руси зъ найщиршого сердца желаемъ!

Львовъ, въ день св. Антонія В. 1861.

Богданъ А. Дьдицкій.

СПѢВАКЪ ЗЪ ПОЛЪСЯ:

Faint, illegible text, possibly bleed-through from the reverse side of the page.

СЕРВАНТЪ ЗЪ ПОЛЪСЯ

И.

Закрылось ясне небо тьмою,
Стемнѣло солнце, вихрь горою
Шумить ужасно по лѣсахъ,
А въ дали-въ дали на степахъ
Сверкають молни, громы бьютъ,
Далеко пополохъ несутъ,
И грудь роздерли тѣхъ могилъ,
Що скрыли славу давныхъ дѣлъ,
А зъ тѣхъ грудей поверхъ могилы
Днесь пѣсни - думы загремѣли,
Насталъ посвятный, давний часъ,
Якого не бывало въ насъ.

И показалось солнце сновъ,
 Обмылась Русь дождю водовъ;
 Весело сновъ шумить трава,
 Весело грае рѣкъ вода,
 Сновъ лѣсъ весель, веселый дугъ,
 И Прутъ, и Днѣстръ, и Сянъ, и Бугъ;
 Отъ Прута же до водъ Буга
 Явилась красная дуга,
 И звезда появилась днесъ
 На сводъ радужномъ небесъ.

Тогда въ Польсю средь лѣсовъ
 Збудилсь спѣвакъ зъ солодкихъ сновъ,
 Спѣвакъ, що долгій вѣкъ молчалъ,
 Що долги вѣки не спѣвалъ,
 Днесъ пробудившись зъ свого сну,
 Такъ поздравляе Отчину:
 „Витай ми, руская землице,
 И ты дуго, небесъ сестрице!
 И звездо руская витай!
 Сіай сновъ Руси, — о сіай

Якъ блескъ луны, якъ солнца свѣтъ,
Та не темный вже бѣльше — нѣтъ!

„Се рускій громъ снова загремѣлъ,
Мене зъ солодкихъ снова збудилъ;
Коли вже громъ той разъ — коли
Перегремить? Скажѣтъ сестры,
Дуго ты руска, и землице,
И ты ясенъкая зорнице!“

Замолкъ пѣвецъ нашъ, — все молчить
Дуга, земля и зори свѣтъ;
Лишь вихры сильно зашумѣли,
На Русь! о пѣвче! гомонѣли:
Туда — на Русь, въ ей мѣръ ступай,
Настрой торбанъ и заспѣвай!

И старецъ въ небо посмотрѣлъ,
Торбана струны настроилъ, —
И въ стороны четыре свѣта
Склонился, — хвиля нарочита:
Зъ грудей онъ крестъ зналъ золотый,

На немъ распять Богъ всесвятый,
 На другой сторонѣ надпись,
 Що красною была колись, —
 Но добре знати ще теперъ
 И Рцы, и Укъ, и Слово ерѣ
 Той крестикъ долго оглядалъ,
 И долго широко цѣловалъ,
 Потомъ спращавшися съ лѣсами
 Ступалъ на Русь, на Русь свѣтами...

Вже звѣзда зникла и дуга, —
 Лѣсы шумять лишъ и трава,
 А въ дали гдесъ-тамъ средъ луговъ
 Звенить торбанъ, — и молкне снова.

III.

Ишолъ пѣвецъ нашъ межъ лѣсами
 Полься красными лугами.
 Земля съ усмѣхомъ го витала,
 Цвѣтами стежку убирала;
 Легонькій вѣтръ надъ нимъ шумѣлъ,

И вонь зъ далека принесли
 Отъ нивъ и отъ садовъ родимыхъ,
 Отъ всѣхъ пріятелей любимыхъ.
 И онъ пѣвецъ щобъ повитати
 Пріятелей, — здравствуй! сказати
 Всей Руси. — злегка заигралъ,
 И такъ при звукахъ струнь спѣвалъ:

„Зазвени днесъ изъ Польсьа
 Пѣсне въ рускій край,
 По всей Руси отозвися.
 Красну Русь витай!

Тую Русь, свату краину,
 Що тверда якъ сталь,
 Повитай всю Русь — родину.
 Въ ширь звени и въ даль.

Зазвени ей Прутомъ, Бугомъ,
 Сяномъ и Днѣстромъ,
 Зазвени ей лѣсомъ, лугомъ,
 Мѣстомъ и селомъ.

А звени же красно, мило,
 Яко руска пѣснь,
 Щобы сердце всемъ отжило,
 Обновилась жизнь.

И озвися сильно зъ груди,
 Сердцемъ розыиграй,
 Та розийсь по Руси всюды,
 Якъ сребрянъ ручай.

И плыви, щобъ жадна сила,
 Жадна вража злость
 Твого лету не спинила, —
 А буде мнѣ достъ.

Знай якъ тяжко то спинити
 Струи шумныхъ водъ,
 А ще тяжше измѣнити
 Руской пѣсни лѣтъ.

Птицы по лѣсахъ роздолно
 Поють, сверкотять,

Рускимъ лишь пѣвцамъ не вольно

Пѣти на свой ладъ.

Ой не встримуйте воды той,

Що зъ грудей плыве,

Двойна сила пѣсни крытой —

Грудь вамъ розорве!

Такъ то нынѣ я спѣваю

Отчинъ моей,

Грудь на полы розрываю, —

Лію пѣсни зъ ней!

И легче на душъ му стало,

Весельше сердце заиграло.

Бо пѣснь одну вже отспѣвалъ, —

А много, много онъ скрывалъ

Для Руси пѣсней ще такихъ

Подъ сердцемъ во грудехъ своихъ.

И дальше, дальше онъ ишелъ

На Русь — до ея мѣсть и селъ.

III.

Тамъ где Полься чудный край,
Зелена тѣнь, древесный май, —
Тамъ надъ рѣкою дворъ стоялъ,
Въ немъ можный Панъ днесь пиродалъ.
А былъ то пиръ, якихъ вже мало, —
Зъ своей земли плодовъ не стало,
Такъ были стравы и вина,
Яки дае намъ чужина.
Зъ за моря изъ далекихъ странъ
Навезъ си всего можный Панъ.
Зъ любви онъ сильной къ чужинъ
Забылъ со всѣмъ о Отчинъ;
Тому и рѣдний кинулъ строй,
Языкъ и обрядъ рѣдний свой;
И днесь тамъ дивно все ишло.
Такій былъ Панъ, — но не село.

Днесь во дворъ весело было,
Музыка грае, же ажъ мило,
Всѣ пьютъ, танцюють, говорятъ,

Лишь нѣкоторые дремлютъ, спать.
 Въ томъ подъ окномъ щось зазвенѣло, —
 Въ комнатахъ все якъ онѣмѣло.
 Одинъ лишь другого пытае,
 Чи сонъ? чи истинно ктось грае —
 У липъ старыхъ, чи подъ окномъ?
 И остолпѣло все кругомъ.

Коли такъ шумъ все тихне бѣльше, —
 Торбанъ звенить все мильше, мильше,
 И вскорѣ всѣхъ собѣ пльнилъ.
 Такъ чародѣйственно звенѣлъ.
 И всѣ якъ бы въ очарованьи
 Стоять Паны и красны Пащи; —
 Наразъ озвался — чудо, дивъ!
 При торбанъ и рускій спѣвъ:

„Колись — то цари и цѣрицы
 И всѣ боярскіи дѣвицы
 Вѣнчались рускими вѣнками,
 Поились рускими словами.

Колись пѣвцы обокъ Князей
 Съдали середь рыцарей,
 По руски мило всѣмъ спѣвали,
 И богатыровъ величали.
 За то ихъ Русь любила вся,
 Боянъ съдалъ все бдизь Князя.
 Но нынѣ! вже не такъ, не такъ,
 Днесь подь окномъ стоить спѣвакъ,
 Въ своей землицѣ не знакомъ —
 Я вашъ спѣвакъ — ту подь окномъ!..”

Вихрѣ зашумѣлъ надъ панскимъ домомъ, —
 Торбанъ звенить, гремитъ якъ громомъ;
 Всѣ остолпѣли, и не знали,
 Що на ту пѣснь сказати мали.
 Одинъ лишь старецъ въ саль былъ —
 Знатокъ преданій, русскихъ дѣлъ, —
 Онъ зъ mezi гостей важно всталъ
 И въшуну такъ отвѣчалъ:
 „Еще не тѣи времена,
 Щобъ наши руски племена

Родинный свой языкъ забыли,
 Щобъ лишь чужій всегда любили.
 Сли хочешь знати, що за край
 У насъ, — по руски лишь спъвай!
 Не подъ окномъ, но среди насъ, —
 Съ тобою пѣти будемъ вразъ.
 Вступи, сли воля, до комнаты,
 И тутъ начни свое спъвати!"

И отчинено дверь на встяжь,
 И се пѣвецъ явился нашъ, —
 Пѣвецъ - старушокъ съдоглавый,
 Вѣкомъ, поставовъ величавый.
 И поклонился низко всѣмъ,
 И оразъ звычайемъ старымъ
 Рекъ: „Слава Иисусу Христу!“
 — „Во вѣки слава!“ — рекъ ему
 Тотъ старецъ честный межи ними,
 И вразъ додалъ: „Усядь любимый!
 О льпшихъ заспъвай часахъ,
 Щось о боярахъ, о Князяхъ,

О давной нашей русской славъ,
 О Владимірь, Ярославъ,
 О Романъ, о Даніилъ,
 И о козацкой храброй силъ...
 А якъ усядешъ, заиграешъ,
 При торбанъ намъ заспѣваешъ
 По руски, красно, по старому,
 Тогда во славу роду твоему —
 Закѣмъ спокойно въ гробъ ляжу —
 Я внукамъ пѣснь твою откажу.

Всѣ тихо смотреть и молчать,
 И якъ на диво-дивъ глядятъ
 Молодцы, старцы, молодежи
 Поважны жены и дѣвицы.
 Недоумѣнье, перестрахъ
 На всѣхъ отбилися лицахъ, —
 Пѣвца бо Руси тѣи сами —
 Якъ ту стоятъ — ще не видали.
 А межи тѣмъ онъ настроилъ
 Торбанъ и складомъ такъ воспѣлъ:

„Не буду пѣти о Князяхъ ,

Ни о престолахъ давныхъ , —

Князь погибли на войнахъ ,

Не стало православныхъ .

Нѣтъ ихъ бояръ , и нѣтъ дружинъ , —

Въ рядахъ съ Князями пали ;

Осталъ лишь рускій селянинъ , —

Паны надъ нимъ настали .

Я руску думку пѣти звыкъ

Лише въ селянской хать , —

А спѣвъ мой твердь стаетъ и дикъ

Для васъ Пановъ въ палать .

Не любя правда злымъ сердцамъ ;

Но вы не такъ злобивы , —

Если угодно , скажу вамъ ,

Событія правдивы .”

И сильно онъ въ торбанъ ударилъ ,

Наморщилъ бровь , чело захмарилъ ,

Такъ що тѣмъ видомъ гости все
Мовь страшнымъ образомъ во снѣ
Испуганы предъ нимъ стояли,
И нехотя пѣвца слушали.

А онъ пригравы усмирилъ.

И такъ до складу говорилъ :

„Не бойтесь, вельможны гости,

Я не играю такъ изъ злости. —

То Русь такъ любить для отмѣны

Разъ будто голосомъ дитины,

То снова якъ бури завываньемъ

Предъ вашимъ выльяться собраньемъ.

Теперь я сказку начинаю,

Для ней о послухъ умоляю :

Жилъ колись на Руси Мужъ,

Благородный и могучъ;

Малъ онъ много мѣсть и селъ,

А же честную жизнь велъ,

Небо му благословило,

Въ него все достаткомъ было.

Но якъ въ свѣтъ все ведеса —
За добромъ и зло вплетеса;
Такъ и мужъ онъ благородный
Отъ бѣды не былъ свободный.
Было въ него трехъ сыновъ:
Двоухъ нечестныхъ пустаковъ.
А лишь третій, що-то звался
Иваномъ, — въ отца удался.

Сынъ найстаршій легкій былъ,
Чужину онъ полюбилъ,
Ѣздилъ по чужимъ землямъ,
Много лѣтъ онъ бавилъ тамъ,
А вернувши въ Отчину,
Же не малъ милого сну, —
Бо му тамъ наговорили:
Же тогда ажъ, брате милый,
Вудешъ малъ въ своихъ значенье,
И потомне покольнѣ
Все та буде величати,
На чель всѣхъ можешъ стати,

Если свой домишній строй
 И восточный обрядъ свой
 И языкъ той простой вашъ
 Разъ покинешь, — приймешь нашъ!
 Мы та будемъ все любить,
 Поступъ твой во вѣкъ славить!
 Дурень на то все присталь,
 Знать Лихій такъ подущалъ;
 А чужи смѣялись въ тайны,
 Що найдуть зыскъ необычайный.
 И онъ взявши спадщину
 Кинулъ свою Отчину.
 Другій былъ ни сакъ, ни такъ,
 Тоже правъ, що дуракъ, —
 Не покинулъ онъ родины,
 Но за то звычайны
 Перенялъ, сосѣдамъ льстилъ,
 Бо душою подлый былъ.
 И ему сосѣды льстили,
 И пронырствомъ то зробили,

Що изъ отчого добра
 Бѣльша часть ему прійшла,
 Мысль бо стала у сосѣдъ,
 Що отцу желали бѣдъ,
 Абы лишь отца смирити,
 Прокорятся его дѣти.
 И начали враждоваги,
 И всякъ силъ употребляти,
 Щобы знищити его,
 Отобрати ему всё.
 Ожь до того имъ здавался
 Другій сынъ той, що вязался
 Съ всякимъ чортомъ въ союзъ стислы
 Якъ наилучшій для ихъ мысли.
 И онъ зыскалъ, — бо за то
 Честь имѣлъ в золото.

Сынъ лишь третій честный былъ,
 Строй родинный онъ любилъ,
 И языкъ свой, обрядъ восточный,
 Почиталъ, бо сталъ му родный.

А хоть часть наименьшу онъ
 Получилъ, — и для мамонъ
 Въ высшіи не пхался мѣста, —
 За то совѣсть была чиста.

Сталось такъ, що наконецъ
 Подзупалъ вже ихъ отецъ.
 Въ визкой хатѣ соломянной
 И въ капоть полотнянной
 Схилокъ жизни своей велъ
 Превній дѣдичъ мѣсть и сель.
 Съ Иваномъ, послѣднимъ сыномъ,
 Жилъ онъ вразѣ, въ селѣ родинномъ,
 И Иванъ Отца кормилъ,
 Хоть самъ хлѣба мало ймѣлъ.

Нашъ старикъ, коли вже разъ
 Видитъ близкій смерти часъ,
 Кажетъ такъ до своего сына:
 Выбѣ чей моя година, —
 Радъ бышь васъ благословити,

Щобы въ счастію вамъ жити,
 Первый взялъ свое имънье,
 Другому ся добре дзе, —
 Но я щось въ себе ще маю,
 Що до сихъ поръ укрываю,
 Радъ бымъ васъ тьмъ подьлити,
 Скличь про то мои всь дѣти!
 Кличе, просить Иванъ братѣй, —
 Ни одного не видати.
 Жде ихъ бѣдный, а не знае,
 Що не рѣдко такъ бывае,
 Же сли сынови ведесь,
 До отца не признаесь.
 Но тверда отца любовь —
 Запрашае, кличе сновь.
 Дармо кличе, вызывае,
 Жаденъ сынъ не прибывае.
 Такъ рѣшилсѣ вже отецъ
 Самъ иди до нихъ въ конецъ,
 И влечесь въ чужу краину

Къ своему найстаршому сыну,
 Много бѣдъ онъ претерпѣлъ,
 Нѣтъ до города dospѣлъ,
 Где весело сынъ первѣйшій
 Жилъ въ дружинѣ найможнѣйшій.
 Подпераясь костуромъ
 Старецъ нашъ подъ сына домъ
 Подойшоль, и якъ узрѣлъ
 Сына, такъ залобедѣлъ:
 Ото, мой любезный сыну,
 Забываю твою вину;
 Навернись ко мнѣ, — я снова
 Сыномъ звати тя готовъ.
 Сынъ не отвѣчалъ ничего,
 Выслалъ тамъ слугу лишь своего:
 Скажи, старецъ заблудилъ,
 Въ домъ чужій ту загостилъ,
 Най собѣ ступае съ Богомъ,
 Не стоитъ передъ порогомъ.
 Старецъ сплакалъ, воздохнулъ,
 Пойшоль, — бѣльше не вернулъ.

Въ рѣдномъ мѣстѣ другій жилъ,
Одежъ красную носилъ, —
Дослужился гдесъ-тамъ славы
За свои дѣла лукавы.
Старець стукнулъ до дверей,
Но якъ у такихъ людей
Тамъ никто не отворилъ,
Доки съ стукъ не повторилъ.
Вконцѣ выйшолъ самъ измѣнникъ,
А якъ то звычайемъ винныхъ
Посмотрѣлъ, въ лицѣ поблѣдъ, —
Хоть вже стратилъ честь и встыдъ,
Но собралъ ще свои силы
И сказалъ такъ: Старче милый!
Що глядаете вы тутъ?
Старцеви поднеслась грудь:
Не спозналъ есь вже отца,
Держишь мя за пришлеца; —
Не пришлець я, не чужій,
А отецъ родненькій твоій.
Прихожу тобѣ простити,

Если схочешь ся смирити,
Навернись ко мнѣ, — я снова
Сыномъ звати тя готовъ!
Сынъ на тое засмѣлся,
Предъ отцемъ позамыкался.
Старець горько зарыдалъ,
Же ажъ того ся дождалъ —
Що хоть море бы испити
Прійшло, и снова наполнити,
Быль бы наполниль слезами
Старець море за сынами.

Надаремно самъ ходилъ,
Дармо вызывалъ, просилъ,
Таки стратилъ двухъ сыновъ
Для себе, — а за любовь.
Но ще третій дома былъ,
Той отца за всѣхъ любилъ.
Такъ до того снова отецъ
Возвратился наконецъ.

А якъ вже старый спозналъ,
Же часъ смерти ся сближалъ,
То прикликалъ сына своего,
И такъ говорилъ до него:
Видишь милый сыну мой,
Я безсиленъ, я старый,
Свѣтъ той треба покидати,
И тебе во вѣкъ прашати.
А же трехъ сыновъ я маю,
По три разы ты пращаю.
Передъ смертію отецъ
Той имъ ще вѣщу конецъ:
Сынъ найстаршій же чуже
Полюбилъ, а не свое,
Рѣдного отца встыдался,
Передъ свѣтомъ выперался, —
То его я выклиною,
Най въ чужомъ истлѣ краю!...
Другій мною презиралъ,
Дверь предъ батькомъ запиралъ, —
Най такъ сынъ предъ нимъ запре,

Самъ въ презрѣнью най умре! . . .
А тебе благословляю :
Жій, змерай въ родинномъ краю!
Въ знакъ любви ще, сыну мѡй ,
Крестикъ дамъ ти золотый . . .
Се сказалъ, ще разъ простился ,
И на вѣкъ упокоился.”

И тутъ пѣвецъ сильнѣйше ще
Въ торбанъ ударилъ, и лице
Роспламенилъ живѣйшимъ жаромъ ,
Пльняя гостей всѣхъ мовъ чаромъ.
Они же долго съ удивленьемъ
И съ быючимъ сердцемъ и съ почтеньемъ
На руского пѣвца смотрѣли ;
А онъ скончивши спѣвъ унымый ,
Еще имъ крестикъ показалъ ,
И при розлуцъ такъ сказалъ :
„ Сей Мужъ-Отецъ — то рускій край ,
А два сыны не суть вамъ въ тай , —
А крестикъ той — моя одина

Баткѡвщина третѣго сына, —
 И часъ въ немъ написи не стерь,
 Ще знати: Рци, Укъ, Слово, ерѣ.

Коли всѣ смотрятъ и глядятъ,
 О кресту томъ говорятъ,
 Пѣвецъ наразъ изникъ изъ сали. —
 Звенить торбанъ лишь сумно въ дали.

IV.

Понадъ Днѣстромъ ливады красны,
 А дальше тягнутся ланы расны,
 Ажъ где Подолья буйный край,
 Тамъ то пшениця — Божій рай!
 Кто хоче землю величати,
 Подолье долженъ оглядати. —
 А на Подолью замки стали,
 Що тѣи скарбы укрывали,
 Которы та земля родила,
 Же имя славне зъ нихъ носила.
 Тамъ Теробовъ гордый Князь

Сидѣль, Татаровъ не боясь,
 А що ему пшеницы сбыло,
 То снова Днѣстромъ на море плыло.

Днесь измѣнился Подолья видъ,
 Но Днѣстръ однако все шумить.
 Надъ тѣмъ Днѣстромъ пѣвецъ нашъ стануль,
 Орлинымъ взоромъ вколо глянуль,
 И ударя въ свой торбанъ,
 Спѣвалъ восторгомъ мовъ пойманъ :

„Плынь, нашъ Днѣстре, шумно, быстро,

Плынь до моря, плынь!

Хоть скалисто и спадисто, —

Въ морѣ не загнишь.

Сли не згинешъ, въ морѣ вплынешъ —

Въ руске морѣ тамъ,

Берегъ кинешъ и подылинешъ

Къ Днѣпровымъ водамъ.

Ставиши счастно — тамъ прекрасно

Днѣпръ поздорови,

Громогласно, безъопасно

Ему розскажи :

Старый Днѣпръ-Славутиця !

Що чувати въ васъ ?

Чи взойшла вже въ васъ зорниця ?

Чи свитае разъ ?

А сли Днѣпръ тобъ отвѣтитъ ,

Же въ него гарзды ,

Же зоря и тамъ вже свѣтитъ ,

Скажи : Боже счастье !

Тучныи мои ливады

Красный крые цвѣтъ ,

А надъ рускїи громады

Всходитъ солица свѣтъ .

Все змѣнилось, изновилось ,

Лише я и ты —

Хотьбы все преворотилось —

Будемъ все одни .

Далѣй брате! плыви съ водами
 Горою на Русь!
 Якъ зашумимо волнами,
 Въ ладъ умчится трусь.

(И) И снова плыви собою мило
 Черезъ Русь-Отчину,
 И шумѣть, щобъ все съ збудило
 Изъ твердого сну.

А якъ снова мы сойдемся
 Въ рускомъ морѣ разѣ,
 Тогда шире обоймемся, —
 Не розлучать насъ!

Замолкъ пѣвецъ, торбанъ спустилъ,
 И снова на шумный Днѣстръ глядѣлъ.
 И стало дивно въ часъ оный, —
 Мовъ пѣсню Днѣстръ понялъ старый,
 Въ отвѣтъ онъ загремѣлъ водами,
 Плескался подъ пѣвца стопами,
 Всю вонь цвѣтовъ своихъ прибрежныхъ

Онъ слалъ за память вѣковъ прежнихъ
 Знакомцу давнему, що нынѣ
 Згадалъ про брата въ Украинѣ,
 Про брата, що Днѣпромъ слыве,
 Що въ море руское плыве.
 И нашъ пѣвецъ, облитый вонью,
 Стоялъ мовь въ радостномъ просоню,
 Мовь цвѣтнымъ духомъ напоенъ,
 И мовь въ цвѣты Днѣстра влюбленъ.
 Счастливъ, кто тѣи цвѣтки знае,
 Кого ихъ воня долетаетъ:
 Пѣвецъ нашъ зналъ ихъ, — но шоль далѣй,
 А съ нимъ вся думы и вся жалъ.

V.

Чи знаешь городъ княжій тотъ, —
 У Днѣстровыхъ стоялъ онъ водъ,
 Днесъ въ почетъ славныхъ лишь именъ
 Стоитъ — до мертвыхъ почисленъ.
 Чи знаешь твердь, що разрушилась

И чорнымъ мракомъ вся покрылась —
 Тъмь мракомъ сумного забвенья,
 А безъ надѣи — отрожденья?

Чи знаешь древній городъ княжъ —
 Колыбель нашу — Галичъ нашъ?
 Монголска дичь, татарски орды,
 Рука братерска Польщи гордой
 Колыбель нашу разрушили,
 Бо гробъ тебе, нашъ Галичъ, скрыли!
 Твои останки днесъ въ жалобъ —
 Якъ сироты на батька гробъ —
 Накрывшись тьмою, по горъ
 Роскинулись при Днѣстръ,
 Якъ бы въ отчаянью хотѣли
 Идти за батькомъ до могилы.

Ахъ, Галичъ нашъ, якъ инвалидъ
 На звялыхъ цвѣткахъ славы спить, —
 Ей спить, мечтае въ сновидѣньяхъ
 О тѣхъ Князяхъ и о Княгиняхъ,

Которыхъ зрѣлъ колись живыхъ,
 И засѣдалъ въ собранью ихъ.
 Онъ помнить о соймахъ боярскихъ,
 О Давиіла ризахъ царскихъ.
 О тѣхъ сокровищахъ великихъ,
 Що предъ нападамъ ордъ дикихъ
 Въ подземныхъ склепахъ сокрывались,
 А въ праздникъ міру роздавались.

Ей Осмомысле, Ярославе,
 И ты Романе, и Мстиславе,
 О томъ вы за житя не снили,
 Що паде такъ вашъ Галичъ милый, —
 О томъ не думали, що часъ.
 Прийде такій въ пять вѣкъ по васъ,
 Же о славнѣйшомъ вашомъ градѣ
 Вспомнуть лишь такъ, якъ о Гелядѣ:
 Была велика въ всѣхъ земляхъ, —
 А нынѣ тѣнь изъ ней и прахъ!..

Такъ Галичъ вашъ днесъ въ розвалинахъ, —
 Лишь упырь Руси по руинахъ

Волочится и стогне больно , —
 А сплакати ему не вольно !

И Галичъ тяжко застогналь ,
 Коли предъ нимъ пѣвецъ предсталъ ;
 Та щобы друга потѣшити ,
 При торбанъ пѣвецъ сталъ пѣти :

„Чому стогнешь, чомъ сумуешь,

Отче нашихъ мѣсть !

Чи не видишь, чи не чуешь ,

Я несу ти вѣсть.

Вѣстку милу, возжеланну

Я несу Тебѣ , —

Кинь печаль, и мысль погану

Утопи въ Двѣстрѣ.

Слезъ довольно лилось нашихъ

По ночахъ и дняхъ ,

— Днесъ Татаръ насъ не устрашитъ ,

Не погубитъ Дяхъ.

Не сумуй Галиче нынѣ

Высунься изъ тьмы,

А ты Днѣстрѣ по долинь

Громко загреми.

Ще ты слава ожидае,

Княже нашихъ мѣсть!

Вже зоря твоя сіяе

Середь новыхъ звѣздъ.

А зоря сія такъ красна,

Якъ весняный цвѣтъ,

Въ семи барвахъ чудна, ясна,

Якъ солнечный свѣтъ.

Ейжъ Галиче, якъ уныло,

Коль собѣ вспомну:

Пять вѣковъ уже уплыло

Тяженького сну.

Хоть стоялъ ты храбро, дѣльно

Противъ вражихъ хмарь,

И не стерли ты насильно

Загоны Татаръ;

Сродне племя подкопало

Твой священный храмъ ,

Тожь не дивь , же ты предало

Небо долгимъ снамъ !

Но теперь о томъ згадати

Не пора, не часъ ; —

Зашуми нашъ Днѣстрѣ, — Мати

Руска кличе насъ.

И звукъ роздался по долинахъ ,

И присѣдалъ на розвалинахъ ,

Звеньль на берегахъ Днѣстра ,

И волноваль его нѣдра ;

По поднебесію носился

До звездъ молебнымъ стономъ бился , —

Якъ голосъ звоновъ погребальныхъ

До скалъ летѣль высокихъ, дальнихъ ,

Потомъ средь скалъ тѣхъ зѣнмѣль, —

Ажь сновь уныло зазвеньль
 Далеко въ гóрской гдесь землиць
 При шумныхъ жерелахъ Быстриць.

VI.

Прикрылись тьмовь небесъ просторы,
 И тьмовь накрылись руски горы;
 Они въ величїи своемъ
 Стоять надъ Галицкимъ краемъ
 И гордо смотрять якъ предъ вьки
 На наши быстротечны рьки,
 Що выплывають зъ нѣдра ихъ,
 Плывуть по нивахъ золотыхъ
 Въ далекии гдесь стороны,
 А не кидають Огчины.
 Бо хотъ идуть купатись въ моръ
 По рускомъ все плывуть просторъ,
 Землицю руску окрапляють,
 И поять ю и ожизняють.
 Тожъ радуются горы наши,
 Же рьки ихъ що дня то красши,

Якъ бы красы ихъ додавала
 Любовь земли, що ихъ рождала.

И радуются наши горы
 Що ти земли, ть просторы,
 Которыми ихъ рѣки плынуть,
 Все Русью лишъ и Русью слынуть.

Тожъ въ восхищеніи своемъ
 Зеленымъ вкрылися вѣнцемъ,

И якъ богатыри прадавны

Они на мѣръ нашъ православный

На рускій мѣръ глядятъ умильно,

А стоячи самы такъ сильно.

Даютъ собою примѣръ дѣльный

Твердого духа, воля сильной.

Тожъ горы вы, зеленю стройны,

Не лишъ вѣнца за то достойны,

Но также пѣсни якъ найкрасшой

Отъ всей землиць русской нашой!

И нашъ пѣвецъ, когда предсталъ

У вашихъ стопъ ту пѣснь спѣвалъ:

„Взойди скоро красна зоре

Зъ затуманныхъ хмарь ,

Та поглянь на руске море ,

Руской земли шарь .

Якъ осмотришь , якъ розглянешь

Добре рускій свѣтъ ,

То посередь неба станешь

И дашь намъ отвѣтъ .

Чи есть въ морь що милйше

Надъ шумъ русскихъ водъ ,

Въ земскомъ шарь що краснйше

Надъ чело Карпатъ ?

Высунулась ясна зора

Зъ за темненькихъ хмарь ,

Подивилась на весь моря

И на земскій шарь ,

И щось стала шепотѣти

До луны , до звездъ ,

Та о Руси доносити

Якусь дивну вѣсть.

Ой мѣсяцу-перекрою ,

Сказала она :

Скрыймося на время мглою —

Перейде гроза.

Мѣсяцъ скрылся, звезда скрылась ,

Вѣтеръ зашумѣлъ ,

Чорна хмара въ низъ спустилась ,

И вихоръ завылъ.

Выхоръ вые, и громъ грае , —

А чело Карпатъ

Стоить твердо и блистает

Явь сталь, якъ булатъ.

Не такі вихры выли,

Не такіи билъ громъ ,

А чела вамъ не розбили ,

Стерлись надъ челоми.

Высьте твердо все стояли

Противъ бурямъ всѣмъ ,

Сталь въ грудехъ переходили

Противъ громамъ злымъ.

Схочу руской водицы

Напитися разъ ,

То до чистон керницъ

Все иду до васъ.

Шумѣтъ горы, шумѣтъ боры,

Пѣснями шумѣтъ ,

Щобъ на суши и на мори

Зналъ о васъ весь свѣтъ!"

Умолкло пѣнье. Надъ горами

Сіяе мѣсяць межъ звездами.

Прекрасный вечеръ, — все молчитъ ,

Лишь въ ярѣтгдесъ потокъ журчитъ ,

И въ полонинахъ раздаеся

Торбанъ пѣвца — и въ лѣсь несеся.

VII.

Посередъ красной полонины
 Пожежи гущевъ деревины —
 Тамъ шалашъ на горъ стоялъ,
 Коровы, овцы онъ обнялъ;
 А близъ при немъ лежали псы,
 Що стада того стерегли
 Отъ дикого лѣсного звѣря,
 Которого тамъ що-нема.

А дальше кружкомъ при огни
 Ватажки по сконченомъ дни
 Засѣли, — ватра имъ горѣла.
 Ватажки нужь до своего дѣла —
 Сущцѣвъ до ватры приложивши,
 Весело люльки закуривши,
 Стали собѣ розказовати
 О томъ, що имъ лишь вольно знати.
 Потомъ къ вечеръ засѣдали,
 Но бесѣды не прерывали.

Що хвиля въ ихъ кружку живѣйше,
 А и въ сердцахъ то веселѣйше; —
 Наразъ умолкли, — и одинъ
 Хорошій молодой легинъ
 Сталъ на сопѣлецъ пригравати,
 И всѣ за нимъ взялись спѣвати:

„Гей братья ватажки! загляньмо до фляшки.
 До ватры прикиньмо ще дровъ,
 Прочь съ журбовь о хату, — старыхъ то игрушки,
 Молодпъ — тѣшѣмся весновъ.

Все въ коло зелено, — дай пяти Олено,
 Уже солнце истопило снѣгъ,
 Веснянновъ порою намъ жити суджено,
 Свободно сновъ грае намъ рѣгъ.

Чорнѣся Клива, вода вже поплыла
 По стромыхъ Быстрицъ скалахъ,
 Днесъ сердце въ насъ грае, душа сновъ отжила,
 Добудьмо горѣлки боклагъ!

Коли собѣ они играютъ,
 Весело пѣсню ту спѣвають, —
 Озвались звуки знаныхъ струнъ,
 И въ густвинѣ воспѣлъ въшунъ:

„Веселы вы братья, якъ тѣ соколята,
 Що вылетять въ поле на жиръ,
 Не журить васъ нынѣ родинная хата.
 Не журить васъ нынѣ весь міръ.

Ой лѣзя пмятати на родинны хаты,
 Любимы братья мои,
 Бо въ родинной хатѣ отецъ есть и мати,
 Суть братья и сестры свои.

А кромѣ нихъ въ хатѣ есть другая Мати,
 Которой не знаете вы,
 А тую-то Матерь — ось близше познати
 Душою и сердцемъ стреми!

А сли кто спознае, и ю устискае —
 Незнанну вамъ Матерь сію,

Той дуже богатый, бо онъ посѣдае

Велику Отчизну свою.

Покиньтежъ вже братья, мои соколята,

Ту вашу свавольную жизнь,

И всемъ повѣдайте, якъ душа богата,

Коли разъ пойме мою пѣснь.

Всѣ съ удивленьемъ поглядають,

Взаимно всѣ себе пытають,

Кто тую пѣсню имъ спѣвалъ,

Якой никто ще зъ нихъ не зналъ.

Но даромъ старшій изъ ватажковъ

Роздумує, — згадати тяжко.

А любопытностью ведены

Пойшли ватажки осмѣлены

Смотрѣти въ гущу, где стоялъ

Пѣвецъ, що пѣсню ту спѣвалъ.

Но чути было въ мѣстци томъ

Лишь тихій звуковъ отгомоль.

И лѣсъ зглянули до конца,

А не нашли уже пѣвца ;
 И только зѣ дая раздавался
 Торбанъ, и звукъ все отдалялся, —
 Ажь снова гдѣсь близко Коломыи
 Рознеслись громче пѣсни тѣи.

VIII.

Минулъ день другій ; — вечеръ снова,
 Луна сіяе надъ горовъ.
 Надъ Коломыею мѣсточкомъ
 Мовъ чародѣйнымъ голосочкомъ
 Неслось, звучало щось, якъ грань
 Восточныхъ вѣтерковъ въ зарань.
 Кругомъ умолкло пѣнье птицъ,
 Лишь чути легкой шумъ ялицъ
 И шелестъ ихъ вѣтвей и листьа ; —
 А Коломыи передмѣстья
 Еще звенять и гомонять
 Солодкимъ пѣніемъ дѣвчатъ,
 Що со серпами зѣ нивъ вертали,
 И днесъ обжинки отправляли

У одного зъ передмъщанъ ,
Що выжали ему весь ланъ .
Тожъ въ него днесъ весела хата ,
Веселы хлопцъ и дѣвчата .

На обыстю стоитъ ось стѣлъ ,
Що всѣхъ до сыта накормилъ .
Теперь почастье вже кружить ,
Господарь самъ въ рукахъ держитъ
И кухоль и горѣлки збанъ .
И кожного онъ проситъ самъ ,
И каждому самъ наливає ,
И пѣе до всѣхъ , и понукае .
Бо то веселье на мале ,
Если счастливо кто сбере ,
Що въ ласцѣ Господа посѣялъ
Ще въ осени , — теперь надѣя
Его исполнилася въ ладъ , —
Тому веселый онъ и радъ
Всѣмъ дары Бжи роздае ,
Бо жниво въ него — веселье .

То и музыка скочно грае,
 Такъ, же кто нашихъ ще не знае
 Звычайевъ, думалъ бы, що дѣва
 Якась иде тутъ за — мужъ въ жнива.
 Но въ насъ на Руси такъ повсюды
 Обжинки отправляютъ люди.

Весело грають и спѣвають,
 Молодши скачутъ и плясуютъ.
 А старшимъ мило хоть смотрѣти,
 Якъ тамъ доказуютъ ихъ дѣти.

Въ ту пору нашъ пѣвецъ съ торбаномъ
 Помежи ними тихо стануль;
 Но тамъ никто не замѣтилъ,
 Що торбанистъ межъ ними былъ.
 Женць забавъ не прерывали,
 Плясали все, и все спѣвали.

Коли же подъ конецъ обжинокъ
 Вже забирались на спочинокъ,

Рознеслись звуки срьбрныхъ струнъ,

И всьмъ явился гость въщунъ.

Онъ впередъ легко бля хаты

Сталъ коломыйку имъ играти,

А повигавши всьхъ кругомъ,

Усьл на лавъ за столомъ

И рекъ: „Вигайте! я до васъ

Прийшолъ, о братья, въ жнва часъ,

Щобы сказати: Счасть вамъ Боже!

Най все росте такъ ваше збоже!

А щобы васъ розвеселити,

И съ добрымъ словомъ опустити,

То изъ Польсья я спьвакъ,

Що въ рьзныхъ вже бывалъ земляхъ,

И рьзнымъ рьзно вже спьвалъ

И край понизья, и средъ скалъ, —

Вамъ также въ честь веселыхъ жнивъ

Такий днесъ заспваю спьвъ.“

И сталъ играти сперва легкимъ

Пригrywомъ, ехомъ мовь далекимъ,

Потомъ сильнѣе зазвенѣлъ
 На торбанъ, и такъ воспѣлъ :

„Слушайте братья, щось вамъ розскажу —

Вамъ може послѣдній разъ,

Чей не задолго въ могилъ ляжу

Та не прійду до васъ.

Чудныи зрѣлъ я краи богаты, —

Тому — то братья не дивъ,

Щомъ также видѣлъ, якъ не видати

Такихъ теперка вже жнивъ.

Ланы я видѣлъ неизмѣримы.

А колось буйный на нихъ,

Цвѣтки розличны вились межъ ними,

А щемъ не бачилъ такихъ.

А ланы — край то нашъ рускій милый,

Цвѣточки — руская пѣснь,

Одѣлись ними рускии могилы, —

Узрѣти ихъ, братья, то жизнь.

А ти люди, що ихъ орали,
 Уже въ темномъ гробъ лежать, —
 А що ихъ жали, на нихъ спѣвали,
 Во вѣки уже молчать.

Долго то стигло руское поле,
 Бо солнце хмарный скрыль валь;
 Но теперъ — слава, Божій престолѣ!
 Лучъ солнца сновь возсіяль.

Ой кобъ вы знали, Коломыйчане,
 Що тое поле и въ васъ
 Скоро пристигне, колось пристане,
 И буде сбирати часъ.

А вы на жниво ще не готовы —
 На тое жниво души,
 На тото жниво рѣдной мовы
 По легкомъ, тепломъ дожджи.

А солнце, братья, сновь уже грѣе,
 И вашей мовы загонъ

Вскорь защитне, — колосья доспе,
 На живо скличе васъ звонъ.
 Бо тото живо, то святе живо,
 Господарь самъ Господь Богъ;
 Скоро готовтесь братья, що живо,
 Щобъ цвѣтъ на поли не сохъ.
 Не залишайте Церкви и школы, —
 Наука, острый то серпъ,
 Хоть онъ коваесь твердо, поволи,
 Но рѣдкій у него шербъ.
 А серпы тѣи, братья любимы,
 Конечны суть и для насъ,
 Учѣтъ, молятся, щобысьте съ ними
 На живо станули въ часъ.
 Тогда всѣ станемъ великимъ коломъ,
 Ударимъ въ наши серпы,
 Заберемъ жменю низенько, доломъ
 И красны свяжемъ снопы.

Дастъ Богъ собрати руское збоже

Счастливо зъ всѣхъ нашихъ нивъ,

Будемъ веселы, — Боже, ахъ Боже!

Дай намъ дожdatись тѣхъ живъ.

А коли братья, въ руски стодолы

Звеземъ послѣдній вже снопъ,

То змолотивши, будемъ молами

На рускій домашній хлѣбъ.

Нынѣ не бракъ намъ чужого хлѣба,

Но правда стара то якъ свѣтъ:

Льпшій зародить рѣдная скиба,

Зъ чужого Русинъ не сытъ.

Такъ мои братья, я вамъ спѣваю, —

А зъ чистой груди мой спѣвъ, —

Вамъ на обжинки вѣнокъ сплѣтаю

Зъ родинныхъ русскихъ цвѣтовъ.

На цвѣтки тѣи мило погляньте,

Якъ жива приспѣе часъ,

А про старого пѣвца помяньте ,

Що пѣснь ту спѣвалъ для васъ. “

И сновъ сталъ громко пригравати ,

Сновъ коломыйку вызваняти ;

И чудны звуки чаровали

Всѣхъ тѣхъ, що близь него стояли.

И вже торбанъ умолкъ, притихъ ,

А ще не зналъ никто изъ нихъ ,

Що спѣвака межъ ними нѣтъ, —

Лишь пѣснь въ ухахъ еще гудить.

И диво! каждый памяталъ

Ту пѣснь, що имъ въщунъ спѣвалъ.

Сонъ-мара! кажутъ до себе :

Чи чулъ, чи видѣлъ кто таке ?

Утихло все, — и розойшлися

Женць, и спати поклалися.

Но вже зорниця заяснѣла ,

Имъ ще та пѣснь въ ухахъ звенѣла.

А межи тѣмъ нашъ торбанистъ ,

Ишоль до дальшихъ селъ и мѣсть.

IX.

Помежи гущи, дебры, боры
Ступае нашъ пѣвецъ поволи,
То кине окомъ по долинахъ,
То носится по горъ вершинахъ,
И разъ весела думка, мила
Прійде ему, то сновъ уныла;
То сновъ на голосъ весь спѣвае,
То сновъ умолкне, и думае.
Такъ жиючи въ своемъ онъ свѣтъ
Ишолъ все съ думками, що скрыты
Глубоко ажъ на сердца днѣ
Въ солодкомъ спочивали снѣ.
Ишолъ далеко, — а землями,
Котры ему отъ давна знаны.
Ажъ Станиславовъ онъ узрѣлъ,
Тогда на пагорку усѣлъ,
И задумалъ тутъ отпочати, —
Бо мѣста му не посѣщати.
Онъ сѣлъ, на торбанъ загралъ,
Надъ Станиславомъ такъ спѣвалъ:

„Станиславе, Станиславе!

Чись уже забыль,
Коли солнце золотаве,

Коли мѣсяць тѣль?

Станиславе, гордый сыну,

Чись уже забыль,

Кто ты сповиваль въ пелину,

Кто тебе кормиль?

Тяжко тобъ выпертися,

Же ти рускій свѣтъ

Не извѣстный, — подивися,

Днесь онъ ще блестить.

Тяжко того выпертися,

Кто кормиль тебе,

Сли не вѣришь, — подивися,

Мать твоя же!

Хоть бысь скарбы малъ велики,

Славу на весь свѣтъ,

Скарбы пропадутъ на вѣки,
 Слава съ помрачить.

Но снѣ матери не знаешь,
 Жаль менѣ тебе,

Сиротою увядаешь —
 Сиротою все.

Таяжъ ^{и)} матя, мила мати,
 Горне дѣти всѣ, —

Чи не хочешь смовь стояти
 Въ ей дѣтей крузь?

Ой стань съ ними, гордый сыну,
 Въ той милый кружокъ,

Въ руску навернись родину,
 Вий рускій вѣнокъ.

Украсись и уберяся

Въ рѣдний рускій строй,

Святочно приготолися

На новый крестъ твой!"

Пъвецъ нашъ пересталъ вже пѣти,
Вже въ дальшу путь малъ отходити, —
Коли ще разъ въ кругъ посмотрѣлъ, —
И надъ тѣмъ городомъ узрѣлъ
Якогось нибы орла тамъ,
Що геть изъ мѣста отлѣталъ.
Счастлива путь тобъ пташино,
Ты гордая скалискъ дѣтино!
Тобъ лишъ жити въ тѣхъ скалахъ
А не въ заселеныхъ мѣстахъ!
И орелъ все летѣлъ горою,
Летѣлъ въ край западный стрѣлю.
Пъвецъ нашъ отвернулъ свой взоръ,
Глядѣлъ на земный нашъ просторъ.
И диво днесъ! — ахъ, дивный часъ!
Якого не бывало въ насъ:
Трава, деревья, збѣжа всь
О половину подросли, —
И папороть тогда зацвила, —
Така ту ласка Божа сплыла

Въ ону пору, якъ зъ тѣхъ предѣлъ
Орель на западъ отлетѣлъ! . . .

Пѣвецъ межъ тѣмъ взялъ свой горбанъ
И шолъ ко дальшимъ сторонамъ.

Х.

Надъ вершинами Стрыйскихъ горъ,
Що гордо взнеслись надъ просторъ
Широкихъ, буйныхъ полонинъ
И зеленающихся рѣвнинъ, —
Тамъ звукъ торбана днесъ озвался,
Кругомъ по долахъ розлягался.
А горы все и все лѣсы
Блестѣли въ жемчугахъ росы.
Мовъ рыцари стары, удалы
Они якъ прежде, днесъ стояли
Несокрушимо на твердыняхъ,
Мовъ бурны духи въ сновидѣньяхъ.
Тутъ Скольски горы надъ нихъ пнута,
Хоть хмарами неразъ мыются,

Они зъ далека все чорнють,
 И пострахъ на окрестность сьютъ.
 Бо тамъ колись передь лѣтами
 Жилъ славный Добошъ съ легинями;
 Онъ долгій часъ тутъ обьыталъ,
 Тому-то сельскій людъ называлъ
 Одну зъ найвысшихъ Стрыйскихъ горъ,
 Где Добошъ малъ колись таборъ,
 Тѣмъ именовъ богатыря.
 И нынѣ таже ще гора
 Горою Добоша зовеса,
 Тому такъ гордо къ небу пнеся.
 На сей горѣ старыхъ преданій
 Звучить якъ стонъ зачарованный
 Торбанъ уныло настроенъ.
 При немъ спѣвакъ нашъ вдохновенъ
 Якъ звыкло думочку думаетъ,
 О Добошу собъ спѣваетъ:
 „Зашумѣли вѣтры буйны,
 Вихоръ грозно вѣе,

Поховались звери чуйны ,

Сърый волкъ лишь вые.

Ой пригода днесъ намъ буде ,

Легини такъ кажутъ :

Где нашъ Добошь? може люде

Злыи его вяжутъ.

Въ располоху все чатують ,

Чи где що не чути :

Только люде намъ враждуютъ ,

А не звери люты.

Догодилось людской злобъ :

Добошь умирае , —

Горы и лѣсы въ жалобъ ,

Трава унывае.

Ой Добоша, мило братья ,

Срѣбрна куля вбила ,

Що на великодны свята

Посвящена была.

Вже на тѣлѣ ослабленный,
Бо му кровь сплывае, —
Ще своими окруженный
Добошъ промовляе:

Хлопцъ-орлы буйны, дики!
Я вже умираю
Покидаю васъ на вѣки,
Та вже не свидаю.

Но щобъ знати, що дѣлати,
Тое вамъ ще скажу:
Где мя маєте ховати,
Що кому откажу.

На топорахъ занести мя
До моей столицѣ,
Въ Черногорь положить мя
Въ сиренькой землицѣ.

Тѣмъ, що лишу, подьлятеся,
Срѣбро, злато возьте,

И по свѣтъ розойдѣтся,
Бога за мновъ просьте.

А мой топоръ, памятайте!

Въ Днѣстру утопити.

Крѣсь менѣ до гробу дайте;

Со мновъ ему гнити.

А мою ту гору Стрѣйску

Рылами розрыйте,

Та ажъ въ землю Коломыйску

Вихрами розвѣйте.

Сконалъ Добошъ, памятали

Слово братцѣ мило,

Крѣсь ему до гробу дади,

Топоръ утопи.

Но гора та Добошева

Думками зацвила,

Ажъ долина надъ — Днѣстрева

Ними завонѣла.

Ой кобы мой голосъ нынѣ
 Добошевоу силоу
 Межи вами, вы легины,
 Гремѣль думковъ миловъ!

Я зъ цѣлой спѣвалъ бы груди
 Та о Руси пѣлъ бы;
 А кто Русинъ — нашъ, повсюду
 Пѣсню зрозумѣлъ бы."

И тутъ пѣвецъ нашъ зъ полныхъ силъ
 Ударилъ въ струны, — звукъ гремѣлъ, —
 Тѣмъ звукомъ горы перенялись,
 И въ первый разъ поколебались;
 А особливо Добошъ мрачный
 Въ той хвилѣ стануль мовь прозрачный,
 И якъ бы пѣсню зрозумѣлъ,
 Дрожаль отъ радости, шумѣлъ.

Межь тѣмъ луна зъ за хмаръ позрѣла,
 Пѣвцу дорогу осветила;
 Весель сходилъ онъ зъ Стрыйскихъ горъ

На западъ обернулъ свой взоръ,
А низступивши зъ верховинъ
Ишоль долинами, одинъ
Всю ночь ишоль, бо ночь ему
Пріятельница, — а день до сну.
Волѣлъ онъ ночью ходити
При свѣтлѣ звѣздъ небесныхъ пѣти,
Бо звѣзды и луна любили
Пѣвца и спѣвъ его унылый.
Природа вся ему другиня,
Тому то твердь небесна, синя,
Поля, лѣсы и всѣ округи,
Пѣвца витали яко други.
Тому не дивъ, що куда-будь
Спѣвакъ ступилъ, — счастливу путь
Имѣлъ и ночи пречудесны
Отъ земской части и небесной.
И днесъ онъ ночью такую
Ишоль дорогою простою
Туда, где мѣста Львова стѣны
Бѣлѣлись середь той котлины,

Що окруженная горами
 Палаты движе, красны храмы, —
 Въ котрой кипить житье граждаць,
 Въ котору люди зъ рѣзныхъ странъ
 Приходятъ, щобъ кипящій умъ
 Въ гражданскій изліати шумъ.

IX.

Львовъ спить. Мовъ въ гробъ все молчить,
 Часомъ лишь зъ вежи звонъ вѣстить,
 Яка тамъ хвиля, часъ якій,
 А впрочемъ всюду сонъ глухій.
 Въ той хвилѣ нашъ спѣвакъ сближался
 Ко Львову; — и тогда озвался
 На вежи звонъ; полночный часъ
 Онъ возвѣстилъ дванадцать разъ.
 Тогда зеленый листъ вздрожалъ,
 Съ вѣтрами тихо шепоталъ;
 Трава оживлена росю
 Поднеслася. Понадъ горою

Взлетѣли облаки бѣлавы,
О нихъ ломился золотавый
Лучъ мѣсяца, глядя на свѣтъ; —
Все тихо, лишь леготъ шумить.

И станулъ нашъ пѣвецъ тогда
На Льва горъ, и оттуда
Онъ въ важныхъ думахъ, урочисто
Смотрѣлъ на тое горде мѣсто,
Що нынѣ красно такъ розцвило,
А давны города затымило, —
Що взявши западный нарядъ,
Взнеслось надъ Галичъ, Звениградъ,
И надъ всѣхъ рускихъ мѣсть ряды;
Хоть бракъ ему ще той воды,
Що древній Галичъ обмывае,
И въ море руское вplyвае.

Ой Львове, Львове! чи вода
Тебе не мыла никогда, —
Чи солнце руске не свѣтило

Тобъ, чи тепло ты не грѣло, —
 Чи ты тѣмъ хлѣбомъ не кормился,
 Що зъ русской земли родился, —
 Чи въ чужинѣ ты воспитался, —
 Жесь по чужому днесъ убрался?!

Ой Львове, Львове! чомъ старого
 Не кинешъ имени ты своего?
 Чому иначе не назвешся,
 А сладщины той не зречешся,
 Коли изрекся ты, лукавый,
 Родины русской, русской славы,
 Коли ты руске слово наше
 Откинулъ, замънилъ на яше?!

Ахъ Львове, Львове! имя славне,
 Всю память про житье прадавне,
 Всю мысль о Руси — кинь то все,
 Бери, що корысть лишъ несе, —
 Що пять вѣкѣвъ тобъ не мало
 Кресель сенаторскихъ давало, —

Все, чѣмъ прослынулъ ты не давно,
 По польски мовлячи поправно, —
 Все то бери, цѣлуй, плекай,
 На руску землю не зважай,
 Що ты докола окружае,
 И жизнь и мову инну мае.

Ой Львове, измѣнчивый друже!
 А всежь тобѣ чей тяжко дуже
 Змѣнити старо-руске имя,
 И знамя инне вбити въ тѣмя!
 Ты знаешь: руская земля
 Тобѣ чужою стала бѣ вся,
 Ще и гордила бы тобою,
 Якъ вже не вѣритъ ти душою!

Такъ нашъ пѣвецъ въ собѣ думалъ,
 Коли на Льва горѣ стоялъ.
 Все мѣсто въ твердомъ снѣ лежало,
 Ничого о пѣвцѣ не знало,
 Хотя пѣвецъ той зѣ сердца кровь
 Отдалъ бы за старинный Львовъ!

Львовъ спитъ теперъ. — лише одинъ
 Мечтатель юный, Руси сынъ,
 Подночнымъ думаньемъ розгрьтый,
 Взлетель зъ своен тьсною кьлти
 И на Высокій Замокъ гнался,
 Где иногда охоложался.

Тамъ онъ услъ на лавць въ тьни,
 Смотрълъ на гору, на руины
 Старого замку, и мечталъ
 О томъ, кто тамка обьталь
 Колись въ прадавныи часы, —
 И легче стало на души
 Его, що тосковъ зауныла,
 И жадовъ знанія горьла.

Коли сидить онъ такъ въ споюю, —
 Наразъ роздались стороною
 Торбана звуки середъ ноци...
 Прочнулъ мечтатель, протеръ очи,
 И слушае, сльдить, чи сонъ?
 Чи сущи звуки слышитъ онъ?

Но звуки истинно надъ мѣстомъ
По воздуху звенѣли чистомъ.
Нашъ молодецъ иде ажъ тамъ,
Где отзывается торбанъ. —
Ступае смѣло. бо гудьба
Зъ добра походить, не отъ зла.
И тамъ узрѣлъ онъ предъ собою
Пѣвца со сивовъ бороною. —
Морозъ пройшолъ его на вскрѣзь,
Коли при немъ онъ станулъ близъ.
Но нашъ вѣщунъ малъ быстрее око,
Въ сердца онъ проникалъ глубоко;
Тождъ якъ лишь молодца узрѣлъ,
По братски го поздоровилъ :
„Дай Боже гараздъ, друже милый!
Зачѣмъ ты о полночной хвили
Сюда прійшолъ отъ мѣстскихъ стѣнь
На ту гору до розвалинь ?
Скажи, мене не бѣйся, друже,
Я твой родимецъ, близкій дуже,
Я старшій, — правда, много лѣтъ

Меня на голову тяжить ;
Но я певецъ, тому всегда
Душа у мене молода.
Не бойся, тутъ при мнѣ съдай,
О чомъ думаешь, повѣдай !
Или сли хочешь, запою
Тобѣ, — вѣдь думки я люблю.
И тутъ торбаномъ зазвенѣлъ ,
И кѣлька думокъ русскихъ пѣлъ.

Мечтатель юный нашъ зъумѣлся,
Но съ вѣщуномъ гнетъ освоился ;
Услъ при немъ и розсказалъ,
О чомъ собѣ теперъ думалъ.
А старецъ слухалъ друга пильно,
Потомъ сказалъ ему умильно :
„Отъ видишь — добре, жесь мене
Тутъ днесъ встрѣтилъ, бо не одне
Событіе я радъ сказати,
Якого вамъ зъ книжокъ не знати, —
Хоть впрочемъ тамъ учены ваши

Даютъ вамъ басень полны чаши.
 Дѣла, що зрѣль я самъ — правдивы
 Людѣмъ передаю чрезъ спѣвы;
 Хотя не рѣдкіи пытаются:
 А гдѣжь то правда, що спѣвають?
 И днесъ тобѣ я щось повѣмъ,
 О чомъ ще лѣтописцамъ вѣсѣмъ
 Не снилось, — или не вписали
 Они того, що може знали.
 Не сказка то, не басня шумна,
 Событье — правда то розумна.
 Ось слухай, я ти розповѣмъ.
 О той горѣ, о мѣсть томъ:

*
 Колись то въ давныи часы,
 Еще якъ наши праотцы
 Свободовъ тѣшились краины
 И славою своей родины, —
 Коли ще рускіи Князи
 Владѣли умно въ той землі:
 Тогда на Галича престолѣ

Сидѣль съ булавою въ коронѣ
 Король нашъ рускій Даниль,
 Що сыномъ Князя Льва имѣлъ.
 А хотѣ сыновъ малъ и другихъ,
 Онъ Льва любилъ наибольше зъ нихъ.
 И якъ отецъ, що радъ былъ зрѣти —
 Дѣтей своихъ хотѣ на всѣ свѣты
 Прославленныхъ, отъ родныхъ мѣстъ
 Ихъ имя взнести ажъ до звѣздъ:
 Онъ думалъ днями и ночами
 Надъ тѣмъ, якими бы дѣлами
 Льву сыну своему путь открыти
 До славы громкой на всѣ свѣты.
 Така то думка обхватила
 Весь умъ, все сердце Данила,
 Отъ ней онъ не имѣлъ покою,
 И день и ночь страдалъ душою.
 Коли Галицкіи бояре
 О томъ зъ далека разъ узнали.
 Сойшлись на раду въ княжій дворъ

И стали вести разговоръ, —
А нѣмъ о дѣлѣ томъ рѣшили,
Ще и Данила запросили.

По многихъ бесѣдахъ собора,
По усмиренью всего спора
Одинъ зъ боярской дружины,
Що то до княжеской родины
Высокимъ чиномъ належалъ,

Такъ говорити Князю сталъ:

Ты Даниле Княже знаешь,

Що долю всю отъ Бога маешь;

Твой гараздъ, смутокъ также намъ

Твоимъ преданнымъ боярамъ

Лежитъ на сердце. Если ты

Веселый безъ всякой журбы. —

Мы радуемъ такожь съ тобою;

Но если смутокъ съ грызотою

Тебе якійсь непокоить, —

Тогда и насъ оно болить.

Такъ розскажи намъ, Князю милый,

Чому ты днесъ такій унылый?

Чому уже по долгихъ дняхъ
 Не видимъ радости въ очахъ?
 Тажъ славы большой ти не треба,
 Вѣнецъ ти царскій дали неба,
 И родъ твой княжъ не угасае,
 Сынѡвъ удалыхъ величае
 Галицко-рускій край цѣлый, —
 Такъ отъ чоґоже смутокъ твоѡй?

Тогда имъ царь нашъ Даніилъ
 Склонившись вокругъ такъ отповѣль:
 Весель повиненъ быти Князь,
 Если такъ искренняя связь
 Его съ дружиною ту вяже,
 Если народъ весь сердце княже
 Голубить. Тожъ я передъ вами
 Не затаюся съ грызотами.
 Отъ все, що ма непокоить,
 Не о мене то ходить, вѣть!
 Галицкій княжескій столецъ
 Вже въ царскій украшенъ вѣнецъ;

О родъ свой также не боюся,
Бо внуками вже веселюся.
Но я надъ тѣмъ всегда думаю
И рады вже собѣ не знаю,
Якимъ бы способомъ сыновъ
Прославити во вѣкъ вѣковъ.

Тогда замыслились бояре,
И снова почались рѣзны свары.
Одни давали раду ту,
Щобъ въ свѣтъ сыны шли на войну,
Щобъ били Литву и Татаръ.
Сновъ голосъ иныхъ былъ бояръ,
Щобы они собѣ ось въ дали
Новыи царства основали,
Или на Кіевскій столецъ
Тожь царскій занесли вѣнецъ.
Но рады тѣ хотъ прекрасны
Не были съ мыслью всѣхъ согласны;
Ажь старецъ тамъ одинъ межъ ними.
Що радами неразъ своими

Уже Князя та и Русь спасалъ,
 Такъ правити до Князя сталъ:
 Любимый Княже, сли моя
 Пріятна рада здѣсь, то я
 Тобъ наилегшій способъ дамъ,
 Щобъ ты потомнымъ ажъ вѣкамъ
 Прославилъ сына хоть одного.
 А скажу словъ на то не много:
 Ось сдѣлай такъ, якъ летопись
 Учитъ насъ римска, якъ колісь
 Уже сдѣлалъ Ромулюсь, а съ нимъ
 И братъ его: создали Римъ!
 Такъ городъ же и ты создай,
 И сына Льва му имя дай!
 Не стане Льва, его сыновъ,
 Ни внуковъ ихъ, — а городъ Львовъ
 Пережіе насъ всѣхъ одинъ, —
 И буде славнымъ Левъ твой сынъ!

 Коли Князь раду ту учуль.
 Весело дланьми онъ сплеснуль,

И радо онъ зъ престола своего
 Глядѣль и веселился много.
 Такъ и бояре ликовали
 Надъ тѣмъ . що чули , що поняли .

И вскорь стануль городъ Львовъ
 Для всѣхъ Даниловыхъ сыновъ ,
 Но же найстаршій Левъ зъ нихъ былъ ,
 То Львовомъ городъ окрестиль .”

Съ уваговъ слухалъ молодець ,
 Що повѣдалъ ему пѣвецъ ,
 И повѣсть та ему припала
 До сердца . тоску розогнала ;
 Лице похмурне розъяснилось
 И слово зъ усть его добылось :
 „Благодарю вамъ вышій друже
 За то преданье . О якъ дуже
 Мене то тѣшитъ , що еденъ
 Предметъ догадокъ сновь рѣшенъ !
 Ахъ честный старче , сли ще маешъ

Такіи скарбы, чомъ скриваешъ
 Ихъ передъ свѣтомъ, чомъ молчишь?
 Чи Руси ждати, щобъ ажъ зъ вышь
 Якій-тамъ чудъ ей показаль,
 Якъ рускій народъ повставаль, —
 Яка-тамъ доля наша была,
 Нѣмъ чорна мрака ю закрыла?
 И где той доль лучъ скривался, —
 Зачѣмъ теперъ ажъ указался?"

„Я вижу, — старецъ отповѣль:
 Що Русинъ ты, бось мнѣ открыль
 Любовь свою для русской славы.
 Для старины ей величавой.
 Хоть молодець неспѣлыхъ лѣтъ
 Ростешь, цвѣтешь якъ майскій цвѣтъ,
 А духомъ ты такій унылый
 Мовъ та береза у могилы.
 Жієшь тоскою, и страдаєшь
 Затѣмъ лишъ, що не довѣряєшь
 Собѣ и силамъ духа свого.

Въдъ Богъ далъ Руси духа много...
 Мужайся, друже! — на веснѣ
 Жій лишь на помы въ старинѣ, —
 Кидай свободнымъ, смѣлымъ окомъ
 По рускомъ небеси высокому!
 Твоя будучность, друже, знай,
 Тому о ней собѣ спѣвай!
 Теперьшность такожь твоя —
 И красна руская земля.
 Довольно сновъ; — сны вѣчно мертвы,
 Жіють дѣла, велики жертвы!..."

„Ахъ милый старче, я то знаю,
 И тоежь все на думцѣ маю, —
 Но днесъ, ахъ днесъ! кобы ты зналъ,
 Я заунылъ, мой духъ упалъ;
 Я днесъ жію лишь въ старинѣ,
 Хоть прикро, прикро то менѣ!
 Но вже така пора у насъ,
 Ахъ, сумный нынѣ Руси часъ!"

Нашъ старецъ тоску сердца зналъ,
 И ничего не отвѣчалъ,
 Но молодца щобъ потышити,
 И духъ унылый покрѣпити,
 Торбана струны настроилъ,
 И такъ надъ Львовомъ му воспѣлъ:

„Подивися тутъ подъ нами
 Дремле городъ Львовъ,
 Вже веразъ залялсь слезами, —
 Потышался сновъ.

Часто ворогъ мѣсто грабилъ,
 Часто разорялъ,
 Сновъ си городъ хаты зладилъ,
 Сновъ краснѣйшій сталъ.

Такъ мой друже, ты сумуешь, —
 Но прійде той часъ,
 Прострадаешь, прогорюешь, —
 Потышишся разъ.

То всегда вже такъ бывало :

Посбирались мгли,
Загремьло, заблыстало, —
Быль то знакъ весны.

Тажъ земля снѣгомъ вкрываеся
Въ порѣ зимовой,
Но весновъ за то авляеся
Въ одежи новой.

Поры тои духу треба,
Щобъ бѣльше отжилъ,
Богу слава, сли громъ зъ неба
Первый загремьль.

Если въ лть буря стане,
Землею встрясе,
Сновъ свѣтльйше солнце гяне,
Зеленьесь все.

Не сумуйже, юный брате,
Русь то Божій край,

Станешь большею встрясати,
 Розцвете якъ рай!..“

Торбана струны зашумѣли, —
 Потому чѣмъ разъ молкли, нѣмѣли.
 Пѣвецъ исчезъ мовь сонъ надъ ранѣемъ,
 Мовь духъ-будитель предъ вставаньемъ.
 А молодецъ еще стоялъ
 На мѣстци, — пѣсню розбиралъ.
 И ободренный слысломъ ей
 Роспламенѣлъ въ души своей
 И жаромъ всѣхъ надѣй розгрѣтый
 Верталъ назадъ до тѣсной кѣтки.

XII.

Въ тотъ часъ стоялъ вѣшунъ за мѣстомъ
 И въ воздухъ узрѣвши чистомъ
 Повельвающій странамъ
 Святый Георгіевскій Храмъ,
 Не могъ онъ Храма оминати,
 Щобы его не попрощати.

Такъ стануль, глянуль до горы
И середь ночной поры
О храмъ томъ собъ думаль,
При торбанъ такъ заспываль :

„Величавый свѣтлый Храме,
Що такъ радо нынѣ
Розговорюешь съ звездами,
Стремишь подѣ сводъ синій?

Чи ты гордишься собою,
Жесь на горѣ взнесся?

Чи ты споръ ведешь съ луною
Же свѣтлымъ зовешься?

Чи ты кругла твоя вежа
Такъ розвеселила?

Чи тамъ пукла тая мрежа,
Що тебе обвила?

Ой не тѣмъ ты гордый нынѣ,
Жесь на горѣ вснесся,

Ни ты споръ ведешь зъ святынь
Же свѣтлымъ зовешся;

Ни ты вежа твоя смукла
Такъ розвеселила,
Ани мрежа та не пукла,
Що тебе обвила;

Но ты радуешся много,
Гордый нынѣ сталъ есь,
Що по думцѣ сердца твого
Владыку досталъ есь.

О, твѣмъ счастьемъ веселися
Свято-Юрскій Храме,
Вънцемъ славы украсися,
Сіяй подъ звѣздами!

Изъ престола днесъ Григорій
Смотритъ въ тебе пильно,
Якъ зоря глядѣсь въ морѣ
Тихо, богомильно.

Ой кобъ въ вѣкъ не угасала —
 Свято-Юрскій Храме!
 Тая зоря щобъ сіяла,
 Счастье было бъ съ нами.

Ой кобъ въ вѣкъ не холоднѣла
 Грудь для Руси ревна,
 Най бы все такъ тепло грѣла,
 Встала бы Русь древна!"

Умолкла пѣснь. И красна днина —
 Та солнца рѣдная дитина
 Заблысла; — свѣтъ зори владычнѣй
 Розгналъ изъ спанья мары нѣчны.
 Потому Львовъ ся пробужалъ,
 Все гомонъ дневный возрасталъ,
 И сновъ якъ вчера все кипѣло
 И якъ въ котлѣ житьемъ шумѣло.

Шуми си Львове, въ вѣкъ шуми,
 Кипучовъ жизнью гомони!
 Ты нынѣ въ шумѣ томъ не зналъ,

Якій-то гость тебе виталь,
 Якій-то гость ще зъ тѣхъ временъ,
 Коли ты Львове не смиренъ,
 Ще гордо на всю Русь смотрѣль,
 И руску землю ще любилъ.
 Днесь кобъ не тая ще земля, —
 Онъ гость не глянулъ бы на тя!...

ХІІІ.

На пагорку средъ красныхъ селъ
 Дрогобычъ смѣло съ роспростеръ;
 Онъ зъ року въ рокъ все убѣльшаеь,
 И зъ року въ рокъ все украшаеь,
 Бо въ него грошей есть досыть,
 Богатства изъ давнѣйшихъ лѣтъ, —
 Зъ далека видно пять церквей,
 А русскихъ много тамъ людей.

Близъ того мѣста сторовою
 Ишоль нашъ торбанисть сгезою;
 Онъ окомъ мѣсто повиталь,

И вѣщимъ духомъ такъ сказалъ :

„Ты городе нашъ, украсися,

На славный пиръ приготовися. —

На праздникъ той, що въ лѣтъ немного

Заблусне среди нѣдра твоего!

Твое грядуще красне буде,

Бо рускій въ тебе духъ и люде!“

И сновъ онъ дальше поступалъ,

И билъ въ торбанъ, и все спѣвалъ,

Ажъ въ дали отъ синявыхъ горъ

Тамъ на равнинѣ взрѣлъ Самборъ.

„Чѣмъ ты ся городе прославишь?

Яку намъ памятку оставишь

Въ потомныхъ где-колись вѣкахъ,

Въ широкихъ Руси сторонахъ?

Не вславишия ты стѣнъ красною,

Ни мужествомъ незвыклымъ въ бою,

Лишь тѣмъ прославишия на Руси.

Ще въ тебе наши руски Музы

Колись — несчастною порою

Скрѣплялись якъ цвѣты росюю.
 И память ты оставишь милу
 Въ далеки лѣга Михаилу,
 Що отъ твоихъ удолий скромныхъ
 Будиль до жизни братьей сонныхъ,
 И голосъ крѣпкій все вносишь,
 Взывая Русь до умныхъ дѣлъ."

Сказавши то ударилъ сновъ
 Въ горбань, склонился головою,
 И дальше шолъ онъ зъ Самбора
 Отъ красныхъ синихъ водъ Днѣстра
 Ажъ понадъ крутой берегъ Сяна,
 Котра рѣка му добре знана,
 И городъ надъ рѣковъ му знанъ,
 Що въ съдой древности созданъ.

XIV.

На Сяна правомъ березъ
 По при Карпатскихъ горъ нозъ
 Блѣбесь зъ дая — якъ соколъ

На воздухъ — Князей престоль,
Той давний городъ Перемышль,
Що, якъ ни память вже ни мысль
Не сягне — въ древности Хробатской,
Возникъ на груди подъ-Карпатской.
И тѣмъ онъ знаный былъ отъ давна,
Же ту отбылась битва славна,
Въ котрой царь Коломанъ смирился,
И зъ ней въ Угорски горы скрылся.
Не оглядаясь вже на Сянь,
На храбрый полкъ Перемышлянъ.

А руски тутъ Князи сидѣли,
Що вже изъ всѣхъ найкрѣпши были.
Якъ Мономахъ и Туръ зъ востока,
Такъ Володарко сновъ тутъ ока
Отъ южныхъ, западныхъ предѣлъ
Ни днемъ ни ночью не зводилъ.
Тому Перемыска земля
Кипѣла все огнемъ житья,
И стала въ лѣтописяхъ славна,

Якъ то известно Руси зъ давна —
 Не толькожь Руси, но и иннымъ
 Землямъ собратнымъ и чужиннымъ.

Въ томъ городъ, на той горъ,
 Где замокъ въ нынѣшней поръ
 Стоитъ якъ дѣдичъ подъупавшій —
 Уже нынѣ скромный и ласкавшій,
 На гору ту взойшолъ съ торбаномъ
 Пѣвецъ, и сълъ тамъ подъ каштаномъ,
 И смотрячи на Сяна воды
 Пригадывалъ старинны годы,
 И щобы хвилю скоротити,
 Чьмъ добрымъ грудь розвеселити,
 Онъ думку зъ давныхъ ще временъ
 При торбанъ пѣлъ вдохновенъ:

„Понадъ густый лѣсъ тѣнистый
 Сунесь толпа хмарь,
 Понадъ крутый Сянь сѣбристый
 Чути громовъ вдарь.

А въ тѣнистомъ густомъ лѣсѣ

Княжи кони ржутъ,

Въ темной гущи при орѣсѣ

Княжи слуги ждуть.

Ходить въ дали по дубровахъ

Князь нашъ Володаръ,

На звѣринныхъ дикихъ ловахъ

Холодитъ свой жаръ.

По при Князю иде бокомъ

Зъ Польщи якійсь Панъ,

Въ службу онъ прійшолъ предъ рокомъ

Отъ Краковскихъ странъ.

Ой нашъ Княже, милый Княже,

Горе днесъ тобъ!

Щось песь вые на увязи,

Въ лѣсѣ волкъ собъ.

Князь на тое не зважае,

Гуще въ лѣсѣ иде, —

Ой тамъ лихо сътъ ставляе,
Горе тебе жде!

Въ лѣсъ Князя въ полонъ взяли, —
Просится нашъ Князь,
Не поможе, — сповязали
Его въ яцку связь.

Ай не было принимати
На службу Ляха,
Та не было уважати
Дружбою врага!

Ой привезли Князя въ Польшу,
Где Князь Болеславъ
Засудилъ му кару большу, —
Хотѣлъ пити кровь.

А той польскій велеможа,
Що Петромъ ся звалъ,
За ту зраду — ще небоже
Колька селъ досталъ.

И такъ Князь нашъ Володарко
Увязненъ сидѣлъ,

Болеславъ ругалъ го жарко,
Такъ ще говорилъ:

Награбилъ ты сребра, злата
Въ Польщи вже досыть,
Нынѣ же тебе отплата —
Будешь ту убить!

Сли убьешь мя, — Князь нашъ мовить, —
Знай маю сыновъ,
Но сли ти о злато ходить,
Отдати-мь готовъ!

Болеславъ съ думками бился:
Смерть мнѣ не хосенъ,
Льпше най бы выкупился
За тысячь гривень.

Наше мѣсто гривны дало
За Князя сейчасъ,

А хоть зъ того поддупало ,

Спасся добрый Князь.

И не вышла зрада тая

На добро Петру ,

Рука Бога всевятая

Отдала ему.

Въ кѣлька лѣтъ бо потомъ сталоь ,

Польскій Владыславъ ,

Укаралъ го за зухвалость —

За языкъ лукавъ.

Онъ казалъ го ослѣпити ,

Оттяти языкъ ,

Дворъ его до тла спалити , —

Строгий былъ то лѣкъ.

На несчастье. Петръ вертался

Зъ Кракова на Русь ,

И ще долго онъ скитался ,

Та по Руси снуль.

Страшна кара — Божа кара,
 Страшный Божій судъ,
 Кто не зналъ судьбы удара,
 Най исправить блудъ.”

И долго ще собъ думалъ
 Пъвецъ нашъ, чѣмъ изъ мѣстца всталъ;
 Смотрѣлъ на городъ возновленъ
 И былъ различіемъ здивленъ,
 Бо не такимъ то за часоѡвъ
 Ще нашихъ рускихъ ту Князѣѡвъ
 Престольне мѣсто выглядало,
 А даже не совсѣмъ стояло
 На мѣстци томъ, где днесъ держится,
 И где все дальше ще строится.

По хвили ще пѣвецъ озвался,
 Коли до Сяна водъ сближался:
 „Вже тутъ кончаесь мой предѣлъ;
 До синихъ Сяна водъ я пылъ.
 Теперъ менъ уже вертати,

И може бѣльше не спѣвати,
 Бо може вже во вѣкъ вѣка
 Русь выречеся спѣвака.

По Сяна волны зашумѣли
 И вѣщуву такъ отповѣли:
 „Ніякъ уже тобѣ молчати,
 Ты долженъ Руси въ вѣкъ спѣвати!
 Бо кто Русь-Матерь полюбилъ,
 Той ще того не досвѣдчилъ,
 Щобъ где-коли тамъ руска Мати
 Его хотѣлась вырекати;
 И скорше воды, що струятеся
 Во мнѣ, до Карпатъ возвратятся,
 Нѣмъ Руси зменьшится любовь
 Для найвѣрнѣйшихъ ей сыновъ.”

И нашъ пѣвецъ съ своимъ торбаномъ
 Стоялъ ще долго тамъ надъ Сяномъ,
 И слезу онъ стеръ зъ очей,
 И сплѣкалъ плачемъ тѣхъ дѣтей,

Що любятъ матеръ сердцемъ всѣмъ
И духомъ пламеннымъ своимъ.

Степнѣло небо, громъ гремитъ,
Молнья по воздуху летитъ,
Лѣсы и горы всколебались,
И Сяна воды взволновались.
А на той заиковой горѣ,
Где днесь кресты стоятъ ще три,
Тамъ старецъ нашъ людемъ незнанъ,
Плащемъ спловлымъ окутанъ,
Средь бури, вихровъ все стоялъ,
То въ Русь, то въ небо позиралъ.

Утихла буря, громъ умолкъ,
Трава заблѣсла сновъ якъ шолкъ,
И солнце снова засвѣтило, —
Но старика вже тамъ не было.
Куда онъ дѣлся? — знае Богъ
И я слѣду найти не могъ
А лишь найшолъ въ томъ мѣстци крестъ,

Онъ ще въ рукахъ у мене есть, —
Маленькій крестикъ золотой,
На немъ роспять Богъ всесвятый,
А зъ другой стороны надпись,
Що красша была гдесь-колись,
Но знати добре и теперь
И Рцы и Укъ и Слово ерѣ.

wartości 10,-
oprawa 52,-

